

Автор - Соэль Карцев, Дортмунд (Германия).

Комариное поле

*

Привести в беспорядок дела,
удалиться, в чём мать родила:
пусть потом разбираются, что ли,
те, кто знают как лучше и как
с наших зевсом забытых итак
уходить в комариное поле,
где ни страха, ни зла до поры,
только злые снуют комары
и пищат. Для того чтоб напиться,
не хватает им крови, и мгла,
как лукавая чья-то молва,
затеняет их узкие лица.

Я бы плыл к незнакомым мирам,
возвещая, что мир комарам,
и кричал бы, на них непохожий,

о добре, о любви, о делах,
что остались, — от ног моих прах
отряхал бы, в невидимость вхожий.

*

Увеличить фасеточный вид,
а внутри — не зудит, не болит,
как на пляже в каком-нибудь суссе,
поводя комариным зрачком,
в комариные дали влеком,
наблюдать, как над полем несусь я.

Для души растаможка — пустяк:
как приспущенный в трауре стяг
позволяет отмерить живущим,
что до вечности пара шагов,
так и ей, выходя из оков,
не ломиться в геенны и кущи.

Не фантом, а набросок, эскиз —
комариное поле, и вниз
с эмпирея срываюсь в него я.
Ни угла, ни шатра, ни норы —
только злые снуют комары
и мешают постигнуть иное.

Шаги

Каждый шаг — это стая шагов,
всё знакомей, всё ближе, всё громче...

Где с отрезанной мочкой Ван-Гог,
рожи страшные в зеркале корчит,
намекая на то, что Эйнштейн,
намекая на то, что лесничий
в тихой чаще из диких ушей,
там кончается вдруг приграничье.

И выводит из мрака на свет,
обрываясь над пропастью сушей,
каждый шаг, словно шёпотом Вед —
не от мира ль ты, с миром ли — слушай.

Ты идёшь не отсюда досель,
как протянутый вкось удлинитель.
И Ван-Гог, и Эйнштейн, как досье

о дороге, ведущей в обитель.
В узких кельях ни взять, ни спросить
с озорного бродяги, но всё же
остаётся нетронутой нить:
и болит, и зовёт, и тревожит.

Вопросы

Где-то Гамлет глаголет свой вечный вопрос на засыпку
храбрецам милосердным, которым не нужен король.
Здесь вопросы, как сети. Не чаёт, как вырваться рыбка:
плавники золотые, а толку от этого ноль.

"Вот же дура хвостатая, — ноют старик со старухой, —
ни дворца в одночасье, ни даже хрущёвки гнилой".
Дует в ту же дуду, привирая, метель-завируха
и другой, девяносто четвёртый, с гуртом и гурьбой,
от Чечни до Чечни, от Абхазии до Украины
нас несёт и всё некогда выяснить, кто виноват.
Хромосомой машу, приникаю к берёзке, но стыну,
оттого что берёзка велит оглянуться назад.

Ну так что же мне делать? До одури водки напиться?
Над загадочной, русской душой уныло блевать?
Или просто умыться, побриться, одеться и влиться..
И начать от жидов и шпионов Россию спасать? (с)

Рыбка выскользнет вмиг, позабыв окаянные сети,
уходя в глубину, где и в бурю покой и уют,
на вопросы замшелые жизнью разбитой ответив.
Остальные слова соловьи на рассвете споют.

